

ЛАСТОЧКА-ВЕЩУНЯ

И куцей осенний день почудился Вазюку Кошкину по-летнему долгим. Дождь моросил непрерывно, потому и рукам не хотелось браться за привычные дела. Вдобавок сноха растревожила сердце нежданно-негаданно. И слушать старого человека не стала — взяла и ушла куда не надо было отпускать. Затем старуха, хлопотавшая у печки, круто сорвалась из-за пустяка: запнулась, видишь ли, о веник. Вот так спозаранку — одна напасть за другой. Он вяло почесал затылок — так, без надобности. А к вечеру совсем лишился покоя. Сердце ноет и ноет, словно беду чувствует. Уж и трубку не вынимал изо рта — все без толку. В растерянности заглядывал то в дом, то во двор, тыкался туда-сюда, пытаясь отмахнуться от лишних забот, но укротить беспокойную душу не мог.

«Ох, с молодыми нынче говорить — прямо беда. Не голодали они до рези в желудке, вот и родителей слушаться не хотят. Им бы все по-своему делать. Потом что будет — голова об этом не болит, — сетовал он. — Как можно не слушаться старших? Ишь, ласточка-вещунья! Живо мне открыла глаза. Не рано ли мы расхваливали ее? Не сглазили ли случайно?..»

Сноха, Марусь, вернулась домой только в вечерние сумерки. Шла долго, промокла насквозь и не стала задерживаться перед свекром, который стоял, сгорбившись, у веранды, даже мельком не взглянула, ни словом не обмолвилась. Вазюк Кошкин сразу и не сообразил, что сказать. Малость как бы и пожалел сношеньку — и молодым не так-то легко в распутицу. Однако удивленно вытаращил карие, глубоко посаженные, узковатые глаза.

«Какая муха укусила мою сношеньку сегодня? — упал он духом. — Ладно, я ей не родной отец. Но совесть-то должна быть? Разве можно, нарочно не заметив, нагло пройти мимо старшего в доме?»

И обидно, и жалко вроде. Не заговорить — тоже нехорошо. На чужака бы он и внимания не обратил. Какой тому прок

задерживаться перед тобой, разговор заводить? Душа-то за другого не болит. А вот терпеть такое от невестки, с которой делишь хлеб-соль за столом, не очень-то приятно. Он не смог пропустить ее мимо, не спросив о наболевшем:

— Ну и как, был суд?

Марусь уже держалась за дверную ручку веранды, но вдруг остановилась, бросила с виноватым видом теплый взгляд и ответила одним словом:

— Был.

— Сколько лет дали?

— Год.

— Все свидетели явились?

— Только тебя не было.

— Не видал, не слыхал — и никаких хлопот, — глядя ей в глаза, медленно проговорил Вазюк Кошкин. Однако не стал скрывать и накопившееся раздражение — вывалил, поучая: — Не послушалась. Ни к чему таскаться по судам. Только себе навредишь. В такую непогоду легко ли пускаться в дорогу. Что за нужда...

«Вот о чем ты печешься! — Еще больше разбередила душу Марусь. — Какая же это жизнь? Деревня — наша семья. А с семьей надо считаться, не так ли?»

Может быть, где-то в другом месте Марусь если непрямо, то хоть намеком дала бы знать об этом. Но перед свекром духу не набралась. Молодка, до сих пор никого не окинувшая холодным взглядом, превозмогая боль внутри, невольно прикусила язык.

— Что молчишь, сношенька? Или мои слова не по духу? Я ведь не со зла говорю. Могла бы понять. Кто же своим деткам дурного пожелает?

— Ах, отец, как же было не ходить? — вздохнула перед свекром Марусь. — У народного суда свои порядки. Нельзя там не быть. Хорошо — сосед у нас добрый человек. Это он, Петр Петрович, сказал, что ты болен. Прикрыл тебя.

— Будет, дело не во мне. Ты, сношенька, о себе поведай. Лишнего, чай, не сболтнула там?

— Что видала, про то сказала.

Вазюк Кошкин перевел дух. Однако не обошлось без наставлений:

— Все же, сношенька, осторожней будь. Береженого Бог бережет...

«Нашел дурочку учить уму-разуму», — подумала Марусь, но запела совсем другую песню:

— Отец, я под дождем шла. Насквозь промокла. Простите. Переодеться надо.

Честно говоря, ей не терпелось скорее покинуть свекра. Она тут же открыла дверь и скрылась на веранде. Вазюк Кошкин на время опешил. Вот тебе хваленая невестка! Вот тебе ласточка-вещунья! За день натворила столько, о чем и подумать не мог прежде. Не послушалась его, стала по судам таскаться, а теперь и говорить с ним не хочет — лишний раз не поддакнула.

«Поначалу все стелют мягко. А привыкнут — и давай капризы чинить. Уж как хотелось найти сыну-наследнику хорошую жену. И Богу молился, и у предков просил. Вроде бы услышали мою мольбу. Нашли невестку, о какой и мечтали. Сама ласточка-вещунья. Порадовала. Но что с ней стряслось в последние дни?.. Эх, жизнь, никогда она не катит по ровной колее. Ужели и в мой дом проникла беда?..»

Человек, пока жив, больше всего печется о детях. Этот обычай соблюдал и Вазюк. Старших спокойно поставил на ноги. Нынче, среди лета, в самый раз в канун сенокоса, женил младшего. Не хуже других сельчан справил ему свадьбу. Постарался не упасть в глазах новой родни, сватов, соседей. Тяжело, конечно, пришлось, но терпения ему не занимать.

И невестка, Марусь, пригласилась ко двору — светлолицая, стройная и бойкая, дороже всего — работящая и опрятная. Все, к чему она прикасается, по-особому греет душу. Смотри и любуйся. Словно птичка порхает по дому — наводит лоск. И язык хорошо подвешен, как и у матери. Как мило зазвучал ее голос в новом доме: «Папа, мама, а не сделать ли мне так? Не попробовать ли этак?..» С сыном, Серушом, воркуют, как пара голубков. Если молодые живут душа в душу, и сумрачная осенняя погода покажется вешним солнечным днем. На старости лет родителям что может быть желанней этого?..

Но Вазюк Кошкин, кажется, рановато стал расхваливать невестку. В последнее время она стала открыто показывать свой норов. Правда, хаять пока язык не поворачивается. Но очевидное не скроешь. В семье все бросается в глаза, особенно — плохое, которое сразу западает в душу. Перемены — тоже. Иногда, как ни прискорбно, ясный облик снохи вдруг покрывается сумрачной пеленой. В другой раз она и со старшими неохотно вступает в разговор, и улыбкой одаривает не часто.

«Вот незадача. Не завалило ли сухостоем жизнь в ладу у молодых? Сказать такое — язык не поворачивается. Пока и повода, вроде, не было — живут хорошо. Или старуха распустила свой болтливый язык и расстроила невестку? Так, пожалуй, и

было — ей доверять нельзя. Ох, уж эта старуха, говоришь ей, говоришь, а толку — с гулькин нос: в одно ухо влетает, из другого тут же вылетает. По воду пойдет и там базар затевает — с бабами всем косточки перемоют, весь деревенский мусор перевероршат, быль и небыль перемешают. На таком токовище, случаем, старуха моя не могла ли сболтнуть лишнего про невестку? На ровном месте человека не заносит...» — растерянно думал Вазюк.

Марусь, хотя и тяжеловато на душе, нарушать заведенный порядок не стала — на веранде, налив в таз чистой воды, отмыла от грязи резиновые сапожки и поставила в сторонку, промокший плащ повесила сушиться на растянутую веревку. И только затем прошла в комнату напротив кухни. Свекрови не застала. Та либо подалась к соседке через улицу лясы точить, либо ищет где-нибудь остатки пиршества. В такой момент ее, непоседу-вертушку, не удержишь дома. Работы невпроворот, а ей хоть бы хны. И сейчас в задней комнате нет порядка — стол завален невымытой с обеда посудой, которая будто ждет хозяйку. Хватает и других забот. Можно бы и отмахнуться от них. Кто-нибудь на месте Марусь так бы и поступил. Но она, с детства приученная к порядку, унижаться перед стариками не могла. Еще понадеялась, что работа отвлечет от плохого настроения. Увы! И вычищенная до блеска задняя комната не облегчила душу.

Вдруг появилась тошнота, слегка закружилась голова. Что с ней? Об усталости в таком молодом возрасте и подумать нелегко. Голод? Утром почти не завтракала. В райцентре нарочно завернула в столовую, но оплаченная еда так и осталась нетронутой — от одного запаха стало тошнить. Вот и теперь накатило это неприятное чувство. «Не понесла ли?» — Марусь обрадовалась и испугалась. Спасаясь от запаха еды, она прошла в просторную и уютную переднюю, отгороженную шифоньером и буфетом. Прошла и — небывалый случай — свернулась калачиком на кровати. Тошнило по-прежнему, на душе было радостно и тревожно. «Как же прожить по-людски этот короткий век?..»

Светлолицая и добродушная Марусь видела свое будущее по-весеннему солнечным. И людям стремилась передать сердечную теплоту. Это стремление воодушевило ее стать врачом. Но мечта не сбылась. Две попытки поступить на медицинский факультет сорвались — конкурс очень большой. Растерянная утка задом ныряет — припомнила она поговорку и выучилась на парикмахера. Когда любишь работу, можно и в нее вложить

душу. Теперь она своими чуткими, ласковыми руками на глазах преображает человека: возвращает молодость, наводит красоту. Сколько благодарностей и добрых пожеланий услышишь за день! Разве не радость это? Еще какая радость!

Счастье не обошло Марусь. Ее парень, Серуш, с которым изредка встречалась, летом окончил сельскохозяйственный институт. Стройный, обходительный, приятный ухажер. Дороже всего — они любят друг друга. Когда любимый рядом, в жизни хватает и того, что есть, и завтрашний день по-весеннему светел. Тут Серуш заговорил о семейных узах — она упрямитесь не стала.

И Серушу, агроному, работа нашлась в родной же деревне — колхозное правление поручило ему возглавить комплексную бригаду, платить обещали как агроному.

Пробу своими руками ни с чем не сравнить. В труде набирается человек ума-разума. Как рассудил Серуш: появится надобность в услугах агронома — проще будет взяться за дело и в крупном хозяйстве. Марусь согласилась с ним. Семейное дело. Что может быть слаще медового месяца для молодоженов!

Но отец не дал Серушу и рта раскрыть. Нет, не стал в сердцах повышать голоса. Однако каждое его слово холодной ледышкой пронзало душу.

— Кем? Бригадиром ставят? Дурак дураком! Хочешь, чтоб вся деревня тебя на посмешище выставила? — спросил он, бурявя взглядом. — И не вздумай. Знаю я, что значит быть бригадиром. Это не работа. Другой — сопляк сопляком, но уже смотрит на тебя косо. А ты должен его кормить. Кормить через силу. Начальству что? Лишь бы хомут на дурака надеть. Случись худое — все в глаза тычут, трижды шкуру снять готовы. Ты этого хочешь? Для этого я тебя пятнадцать лет учил? Знал бы, что так обернется, и трех копеек не вложил бы...

Серуш не стал перечить отцу — перешел агрономом в районное отделение сельхозтехники. И Марусь не нашлась, что сказать. Работа, конечно, по признанию мужа, спокойнее бригадирской — самому ни сеять, ни жать. Зерно по его вине не осыпается и не гниет. И ругают, разумеется, меньше.

А по нынешней дождливой погоде и на уборке добротного урожая трудненько пришлось. Будь бригадиром — в таком разе и сна бы начисто лишился, будто живьем в преисподнюю угодил. Прикинув что к чему, Марусь вроде согласилась с доводами свекра. Но — глаза бояться, руки дело делают. Да чего бояться нынче, имея такое обилие техники? Словом, с полевыми работами справились. Какой урожай собрали! И старики

подобное не помнят. Трудно поверить — по тридцать центнеров с гектара! Что может быть дороже для труженика земли? Честь ему и слава! И какая бы жена не стала гордиться таким мужем: его хваткой в работе, его заслуженной у сельчан славой?

И Серуш, ее Серуш, не может жить, как думалось прежде, спокойно — часто бывает в колхозах, два—три дня не показывается дома. С кем встречается, сыт ли, как с ночлегом? Не выходит из головы суженый. Но время идет. А толку? Отдачи от его стараний не видно. И мало кто доброе слово о нем скажет. Неужто об этом он мечтал?..

Пошел третий месяц, как Марусь пришла в чужой дом — за такой срок можно и пообвыкнуть. Но душа не на месте — что-то давит на нее. Хорошо еще работа есть — там настроение улучшается. А появятся дети (в молодой семье они таки появятся), ей придется дневать и ночевать в этом доме. Надо быть на виду свекра и свекрови, потакать им во всем. Иногда, может, и петь с чужого голоса, чтобы лад был в семье. На это благословили и родные мать с отцом.

Однако разные они, старики. Вон, кровный отец Марусь на той войне не раз был ранен. Подлечился — опять на фронт. Последнее ранение получил при взятии Берлина. Лечился в госпиталях. Вернулся домой инвалидом. Сразу впрягся в колхозные дела — слабое здоровье по боку. Кем только ни был — и пахарем, и сеятелем, и жнецом, и бригадиром, и председателем. И в трудные годы мог поддержать сельчан, кормить хлебом. Его, почетного колхозника, и ныне поминают добром.

А свекра Марусь, хоть убей, до сих пор не может раскусить. Что-то в нем от ракушки — весь в себе. Немым назвать — лишнее вроде, но и оспорить непросто то, что видишь и слышишь. Бывает, день напролет ни слова не проронит. А если случайно и обмолвится — непременно заденет за живое. Нет, чтобы добром человека упомянуть. Можно подумать — язык желчью помазан.

В выходные дни не вздумай выполнять рядом с ним работу в бригаде. Окажешься рядом — стыда не оберешься. Все у него не по-людски выходит, тычется туда-сюда, будто одолжение делает. Глаза бы не видели — смотреть противно. А домой никогда не вернется с пустыми руками — что-нибудь да прихватит. И худой славы не боится, совсем стыд потерял.

Если родные и близкие затевают пирушку, может пропадать там всю неделю. Гости беседуют, обмениваются новостями, иные не прочь и пошутить, а как только растянет меха

гармонист, пускаются в пляс да с припевками — знать, в благодарность хлебосольным хозяевам. А ее свекор, будто воды в рот набрал, сидит сиднем, прикрыв глаза и свесив голову. Можно подумать, напился до потери сознания и заснул. Как бы не так! Все продолжает осушать, что поднесут по очереди.

«Можно ли среди сельчан быть таким нелюдимым, словно у тебя лицо кошмой зашито? — сокрушается Марусь. — Будь свекор человеком, и суда бы не было...»

Это произошло полтора месяца назад. Был выходной день. Марусь вышла во двор выплеснуть помои. Вышла и заметила, как свекор сквозь щель в заборе смотрит во двор соседа. Так пристально наблюдает — за чем? Не гости ли появились? В таком случае он не успокоится, не заглянув туда. Повод найдется. Соседи, учителя Петр Петрович и Ульяна Васильевна, — знатные в деревне люди. Придешь к ним — никогда не отпустят без угощения и без теплой беседы. В тот день они спозаранок, при выгоне стада, отправились за грибами. Позвали с собой и Марусь. Очень хотелось пойти. От них, образованных, научилась бы и в грибах получше разбираться. Но пришлось отказаться, чтобы справиться с домашними хлопотами, накопившимися к выходному. Может, уже вернулись с грибами? Свекор не станет напрасно заглядывать в щель...

— Отец, уж не вернулись ли грибники? — задержалась она. Тот, будто ошпаренный, резко обернулся.

— Нет, пока не вернулись, — сказал смущенно.

— Что высматриваешь тогда? — не сдержалась Марусь.

— Цыц! — как бы пригрозил пальцем свекор. — Все-то тебе надо знать.

Марусь ничего не поняла. Но и послушаться старшего не посмела. Прошла и выплеснула помои на навозную кучу. Однако вдруг заныло сердце, как будто предчувствуя что-то недоброе. Почему свекор заглядывает в щель забора? Что там увидел? Отчего велит помалкивать?..

На обратном пути к дому ей послышался скрип на всю соседнюю веранду, звуки больно полоснули по сердцу. Хозяева, по ответу свекра, еще не вернулись с грибной вылазки. Кто же тогда там шумит? Не иначе как человек топает. Догадка породила душевное беспокойство и испуг... Марусь решила пойти и посмотреть. Не считаясь даже с тем, что подумает свекор.

— Куда ты, сношенька? Зачем тебе это? — спросил свекор растерянно. — Не смей! Чтоб ноги твоей там не было. Слушайся. Кому говорю?

Неспроста отговаривает. Не хочется ему показывать снохе,

что происходит у соседей. А вдруг у них несчастье? Как потом водиться с ними? Какими глазами на них смотреть? Насколько она разбирается в людях, дороже этих соседей вряд ли найдешь кого. Петр Петрович и Ульяна Васильевна для нее роднее родных. Что-нибудь понадобится — не куда-нибудь, а сразу к ним бежишь. Ох, что же стряслось?..

Первый раз послушавшись свекра, Марусь подошла к забору и заглянула в щель. Что она видит, что видит! Какой-то парень открыл дверь и шагнул на веранду.

«Что за человек? Не по злomu ли умыслу явился сюда? Ах, похоже на это. Вон, дверь вместе с замком свисает с бруса — явно взломана. Стало быть, этот тип, потерявший голову, среди бела дня ломится в чужой дом!..»

По спине Марусь пробежал мороз. Гляди-ка, добрых соседей грабят ясным днем! Однако, как ни странно, свекор стоит как ни в чем не бывало. Разве можно спокойно взирать на чужую беду? Ярость вскипела в груди невестки. Скорей, скорей остановить этого наглеца! Потом будет поздно — и близкий локоть не укусишь. Растревоженная Марусь резко повернулась к свекру.

— К соседям чужак проник. Даже дверь веранды взломал. Надо его задержать. Немедленно!

Вазюк Кошкин бросил на нее холодный взгляд.

— Цыц, сношенька, — сказал он тихо, будто остерегаясь чужих ушей. — Не видела — и весь сказ. Пора бы запомнить. Зачем тебе глазеть на все? Чтоб потом затылок чесать?

— Перед соседями неудобно.

— Ни к чему тебе, сношенька, любопытство такое, — полупокаянно внушал свекор. — Ну, поняла? Хочу, чтоб ты впредь была умнее. Иной раз закрой глаза и на очевидное. Или тянет шляться по судам? Ты же не сидишь без дела. Если и воруют — не твое. И ты не милиционер, чтобы ловить разбойников. Ступай в дом, работай...

На миг Марусь и рта не посмела раскрыть. Оно так: старшему в доме трудно перечить — ему, повидавшему в жизни, яснее что к чему. Да и отмахнуться от его поучений негоже — приведенной в чужой дом невестке надо жить со стариками под одной крышей. Какими глазами посмотрят они на непослушницу? Не станет ли она лишней в семье? Человеку в жизни нужно все больше тепла. А как быть с совестью? Воспитанная на добрых примерах и в родительском доме, и в школе, и среди сельчан, она не могла смириться с поучениями свекра — скрепя сердце, откровенно сказала:

— Прости, отец. Может, это дерзко с моей стороны. Но не могу закрыть глаза на то, что вижу. Родные мать с отцом меня такому не учили...

— Отсюда ни ногой, — сказал свекор просительно и всмотрелся в ее лицо. — Чтобы жизнь прожить хорошо, слушай сердцем слова старших. Они тебе плохого не пожелают. Люди живут не ради забавы. Порой приходится и язык прикусить.

«Как же тут жить? Наговорил — как только у него язык поворачивается? Надо же, соседи собирают гостей — он тут как тут, и про дом забывает. А случись у них беда — возьмет и отвернется. Лицемер. Бойтся, как медведя, сделать доброе кому-то. Разве можно мириться с таким грязным нутром?»

Марусь не спешит высказать человеку все, что накипело на душе. Умеет держать язык за зубами. Иногда и усмехнется без причины, и споет. Видно, помнит, что женщине в жизни надо быть настоящей артисткой. Но на сей раз, зная, что общего языка со свекром не найти, не смогла стерпеть — ослушалась его, не побоялась осуждений. Взволнованная, выскочила на улицу, посмотрела по сторонам, но на глаза никто не попался. Тогда она побежала к Луске Павлу, что жил через улицу. Тот оказался дома.

— Дядя Павел, к Петру Петровичу залез вор, — с тревогой сказала она.

— Какой вор? Не выдумывай, — удивленно вытаращил глаза сосед. — Или вздумала пошутить над стариком?

— Честное слово, — заверила Марусь горячо. — Только что дверь веранды взломал.

Луска Павел не заставил долго ждать — схватил свою увесистую палку и поспешил на улицу. Ему и шагать-то нелегко — на войне потерял одну ногу до колена. Все равно, пошатываясь, пошел вперед. Вот он толкнул калитку — не поддалась, подперта изнутри. Малость замешкался.

— Отец твой дома?

— Дома был.

— И его позовем. Втроем легче схватить наглеца.

Тут же, как нарочно, появился на улице Вазюк Кошкин. Собственно, хотелось ему удержать непослушную сноху. Но только нос высунул и опять исчез во дворе. Луска Павел, ясное дело, не мог не заметить его. Даже позвал громко несколько раз.

— Василий Антипыч, выходи же! На наших глазах грабят соседа. Иди к нам!

Вазюк Кошкин, конечно, не мог не слышать зов соседа, но на улице больше не показался.

— Как же так? — недоуменно сказал Луска Павел. — Его соседа грабят, а он ни с места. Некрасиво получается. Совсем плохо.

Марусь промолчала: что тут скажешь? Видя, что дело плохо, Луска Павел резко взмахнул рукой.

— Ну-ка, Марусь, лезь через забор, — сказал он. — Я, как видишь, не смогу перемахнуть.

Тем временем два-три прохожих остановились возле Павла. Потом все гурьбой двинулись во двор. Услышав шум, вор выскочил из дома и опрометью бросился в сад. Луска Павел вслед мог только палкой погрозить.

В тот же день вся деревня узнала, что на воровство пошел не чужак заезжий, а местный же парень Ягур, сын Униссе. Вскоре его забрал милиционер...

Сегодня был над ним суд. Ягур признался, что сперва выпил с ребятами, а когда захмелел, показалось — мало. В поисках выпивки забрался к Петру Петровичу. Пьяному и море по колено. Потому и потерял голову Ягур — сорвал дверь веранды, проник в дом. В спешке, правда, ничего такого не прихватил. Все равно он провинился. А за это закон по головке не гладит. Все же народный судья пожелал узнать у матери Ягура, каково наказания ее сын заслуживает.

Материнское сердце не может успокоиться — изболелось оно из-за единственного сына. Следы переживаний и на лице Униссе: губы обветрились, глаза покраснели. Не раз, видать, проливала она слезы по непутевому чаду.

— Ах, бедолага, что наделал, что натворил, — горько запричитала женщина. — Душу вымотал мою... Этого ли ждала от него? По-человечески старалась поставить на ноги. Терпела через силу. Вот как отблагодарит он свою мать за то, что родила его и всем сердцем стремилась вывести в люди. Связался с пьяницами, совсем голову потерял. Неслух. Так и стубил себя пьянкой. А мать страдай. Душа разрывается, но терпи. Прошу Вас, народный судья: простите на первый раз. После женитьбы, может, бросит пить. Этой осенью хотела его женить...

Соседи отнеслись весьма доброжелательно, о чем Марусь и думать не смела. Петр Петрович не стал ругать ее сына: что было, о том и рассказал. А когда судья и заседатели удалились на совещание, пожалел как родного.

— Скажи-ка, Ягур, почему ко мне не пришел? Деньжата у меня водятся. Если возникла нужда, одолжил бы без слов. В деревне нельзя без взаимной выручки. А ты что натворил? Кого теперь ругать?

— Сдурел от пьянки, — тяжело выдохнул парень, не смея поднять голову.

Пожалел парня и Луска Павел:

— Сам я раньше не заметил. Кабы увидел, разве дал бы так куролесить? «Что ты, Ягур, тут делаешь? — спросил бы строго. — Хозяев дома нет, убирайся!» Не пришлось бы теперь стоять перед судом народным.

Марусь уловила в сказанном намек на свекра. Она вдруг опустила голову, не смея смотреть в глаза соседям. Знать, чувствовала себя виноватой в случившемся...

Эх, не повезло ей со свекром! Совсем не похож на добрых соседей. Какой-то нелюдим. Даже походка его вызывает брезгливость. Переставляет ноги, по-кошачьи крадучись, будто боится споткнуться и упасть. Всю жизнь коротает так — крадучись. Ах, бедолага, за все годы принес ли людям хоть какую-то пользу? Вряд ли. И с языка у него редко срывается теплое слово для людей. Живет, как хомяк, ради себя. Из-за него неудобно и с сельчанами общаться, и к соседям заглядывать. Почему бы ему не остановить тогда пьяного Ягура? А ведь мог бы... Если будет продолжаться так, то ли еще увидишь, то ли еще услышишь...

Открылась дверь в переднюю. Кто-то вошел. Не Серуш ли? Ему вроде рановато с работы. И походка не его — этот ступает, как кошка, медленно, беззвучно. Свекор! Так и есть. У Марусь душевное раздражение и смущение.

«Опять на разговоры потянуло? Опять учить меня будет? Эх, из-за тебя и так сегодня краснеть пришлось, всякое передумала. Что еще придется услышать?..»

Свекор чуть раздвинул занавеску между шифоньером и буфетом и подался вперед.

— Не спишь, сношенька?

Марусь моментально поднялась и присела.

— Нет, не сплю, — ответила спокойно.

— Сношенька, накопилось что сказать, нет покоя. Потому решил заглянуть и поделиться. Может быть, речь моя придется не по душе. Не серчай. Я — отец. А родители должны учить детей уму-разуму. Если я не буду вас учить, кто вам откроет глаза?..

— Говорите. Я рада урокам старших.

— Старею. На своем веку хлебнул немало горя. Почти четыре года провел в плену, несладко пришлось. Если все ворошить — черный грач покажется белым, — растягивая слова, медленно заговорил Вазюк Кошкин. — Будь как некоторые — давно

бы кости смыло водой. Однако я жив. Хозяйство крепкое — слава Богу. Седых волос на голове не видать. Прожив столько, знать не знаю про зубную боль. «Почему?» — говоришь? Не совсем понимаешь? Тебе, сношенька, могу признаться. Жил я все-таки не по-дурачки. Не совал голову в пекло понапрасну. Пока дышу, и вам, молодым, кое-что хотел бы передать. Не помешает. В жизни и шербатый топор пригодится, говорят.

Марусь, скрепя сердце, поддалась:

— Говорите, отец. Я слушаю.

— Иногда закрываешь глаза и уши на то, что видишь и слышишь — это дороже золота. Береженого Бог бережет. Не видала, не слыхала — и дело с концом. Не надо было по судам таскаться. Эх, сношенька, не послушалась отца. Было бы ради кого. Этот среди белого дня готов на разбой. Добра от такого не жди. А ежели случайно оставит от подворья одни головешки? Что тогда? Вам, молодым, корова еще ногу не отдала — вот и не научились разбираться, что к чему... Как задумаешься — сердце от боли готово разорваться. Зачем старался, жилы рвал, такой дом на пустом месте отгрохал? Легко ли мне было? Кто сам не испытал, тому не понять. Бывало — и сон не сон, и еда не еда...

«Выходит, только о себе надо думать? И жить одной хитростью? Про совесть и стыд забыть? И на людях слыть бесстыжим?..»

В порыве отчаянья можно было бы наговорить немало резких слов. Таких, которые никогда ни перед кем не смела произносить. Но Марусь с детства помнит родительский урок — не смотреть на людей холодным взглядом. А теперь, у чужих, найдутся ли силы перечить отцу любимого мужа? Язык без костей, не распускай его, чтоб лишнего не сболтнуть. Иначе и голову потерять недолго...

Невмоготу стало молодой слушать свекра дальше. Не боясь уронить себя в его глазах и запятнать свое доброе имя, закрыла уши руками и свернулась калачиком на кровати. И тут же, натерпевшись за долгий день, зарыдала...

Спустя довольно долгое время, когда стемнело, вернулся Серуш. Марусь мигом очутилась на ногах. И хождение в суд под дождем, и недовольство выходками свекра — все-все улетучилось из памяти. И снова ее душа открыта и ласкова, и снова она счастлива. Но перед свекром не посмела выбежать к любимому супругу.

И Серуш соскучился по дому за несколько дней отлучки. С ходу направился в переднюю, как обычно, ласково спросил:

— Марусь, душенька, как поживаешь?

Женушка обняла мужа за шею и блаженно прильнула к нему: кто может быть ближе и дороже человека, которого полюбила раз и навсегда? С ним всегда легко. И будущее светло, как внешнее солнышко. Только с таким супругом можно рассуждать обо всем: и о хорошем, и о плохом.

— Живу я, Серуш, хорошо. Но все время думаю о тебе. Где ты? Есть ли ночлег? Сыт ли? Или ходишь голодным? Все, все беспокоит.

— Стало быть, тоскуешь, ласточка-вещунья?

— Тоскую, еще как тоскую. Иной раз сильно корю себя: почему не отговорила? Остался бы бригадиром. И работа рядом — не надо никуда уезжать. Теперь вот с утра до ночи сердце ноет — тебя ждет. От переживаний и уснуть не могу. Скажи, Серуш, долго будет так?

— Успокойся, душа моя, все наладится, — сказал Серуш, приласкав жену. — Прекрасно понимаю, нелегко тебе. Но, душа моя, сильно не укоряй. Желание вроде бы сбывается. Сегодня встретились с предколхоза, он даже задержался, уговаривал меня вернуться в наш колхоз. И представляешь? Обещает выделить нам один из новых домов для специалистов.

— И ты согласился? — радостно спросила Марусь.

— Не совсем. Решил сперва посоветоваться с тобой...

Когда Серуш вернулся, Вазюк Кошкин приоткрыл дверь в переднюю и, прислонившись к стене, наострил уши...

«Хорошо живут, — прикинулся он радостным. — Чем не пара голубей! У них все еще медовый месяц. Это приятно. Но... что говорит невестка? Хочет, чтобы Серуш вернулся в колхоз? Ах, пропала моя головушка, и Серуш не против. Гляди-ка, председатель обещает молодым готовый дом! Как обрадовалась невестка. Ах, шалунья! Кто укротит тебя?! — вдруг досадно стало Кошкину. — Вот ты какая, ласточка-вещунья! Сегодня без надобности шастала по каким-то судам. Мои слова — мимо ушей. Завтра и сына заманит куда-нибудь. Чего ей не хватает? Или дома справного у меня нет? Или на волю потянуло?.. Попробуй разобраться. Я, забыв про сон, по крыльцам собирал для них добро. Отгрохал дом с подворьем — на крыльях не облететь. Как же они тебя благодарят! Разве об этом мечтали?..»

Вдруг тихонько вошла жена. Видно, и без выпивки не обошлось — ее пошатывает, взгляд хмурый. Но разум не совсем потеряла. Чуть подалась вперед и, вытянув палец, уставилась на мужа.

— Вазюк, ты что там подслушиваешь? — раздался ее недовольный шепелявый голос. — Уж не потерял ли рассудок на старости лет? Разве можно так? Что молодые скажут, как узнают? Подумал бы хоть малость...

— Цыц! — проронил хозяин, отмахнувшись. — Ты, старая, ходишь по деревне — ищешь чем бы похмелиться. А тут сношенька хваленая норовит Серуша из дома увести. О такой ли старости мы мечтали?..

Жена не слишком-то удивилась.

— Я догадывалась, что так и будет, — сказала она, небрежно скривив тонкие губы над беззубыми деснами. — Разве толковый человек уживется с тобой? Только я по глупости своей терпела. Сердце разрывалось от боли, но терпела. С нынешним умом ни дня бы не оставалась вместе. Никакого добра не видала, и на людях мое имя не в чести...

Вазюк Кошкин, как бы задыхаясь, вдруг выпучил глаза и удивленно посмотрел на жену.

1978

Перевод Аристарха Дмитриева